

СООБЩЕНИЯ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ ЛЕТОМ 1905 ГОДА

П. И. Галкина

Город Иваново-Вознесенск еще в XIX в. вырос в крупный центр текстильной промышленности, его недаром называли «ситцевым царством». Зубковы, Полушины, Гарелины, Гандурины и другие ивановские фабриканты наряду с капиталистическими методами эксплуатации широко применяли унаследованные от дедов хищнические, полукрепостнические формы угнетения рабочих. Рабочий день, установленный законом 1897 г. в 11½ часов, доходил на иваново-вознесенских фабриках (путем применения сверхурочных работ) до 14 часов в сутки. Рабочие получали нищенскую заработную плату и находились в тяжелых жилищных условиях. И без того ничтожный заработок ивановских ткачей еще более урезывался многочисленными штрафами и вычетами.

К началу XX в. город Иваново-Вознесенск имел четко определившийся социальный состав населения. Здесь противостояли друг другу пролетариат и буржуазия. Будучи заштатным городом Владимирской губернии, Иваново-Вознесенск не имел ни крупных государственных учреждений, ни высших учебных заведений и научных институтов. В городе было всего 2 библиотеки, зато 22 церкви и часовни, 21 трактир, 23 казенных винных лавки и 44 пивных. Половина рабочих была совершенно неграмотной. По данным переписи 1897 г., среди мужского населения грамотных было 56%, среди женского — 28%. Интеллигенция была весьма малочисленна. Фабричная администрация и инженеры прислуживали предпринимателям. «Классовые противоречия, — писал один из обследователей условий жизни иваново-вознесенских рабочих, — здесь обнажены до мозга костей: рабочие, угнетенные до последней степени, с одной стороны, и капиталисты-фабриканты, пропитан-

ные самыми грубыми эксплуататорскими инстинктами, с другой»¹.

Эсеры и меньшевики не нашли в Иваново-Вознесенске сколько-нибудь прочной почвы. Социал-демократическая организация была по своему социальному составу почти исключительно рабочей и полностью шла за большевиками. М. В. Фрунзе, имея в виду иваново-вознесенскую организацию большевиков 1905 г., отмечал: «Видное участие, которое принимали в жизни партии сами рабочие, между прочим, чрезвычайно удивило и поразило меня. Будучи знаком до тех пор с жизнью и составом главным образом петроградской и московской организаций, я не наблюдал там такого явления. Правда, и там выделялась из рабочей среды масса передовых, очень активных и талантливых работников, но они как-то растворялись наряду с многочисленными работниками, выделенными в этих центрах интеллигенцией. В Иваново-Вознесенске, наоборот, совершенно не было заметно хотя бы сколько-нибудь значительного влияния и участия этой последней в жизни местной организации»².

Исторически сложившиеся социально-экономические особенности Иваново-Вознесенска сделали его одним из очагов революционного движения пролетариата. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске, начавшееся с 70-х годов, к началу XX столетия росло и ширилось. На предприятиях возникали забастовки, в окрестностях города организовывались рабочие массовки.

Осенью 1900 г. организация «Искры» направила в Иваново-Вознесенск Г. И. Окулову. В конце года сюда приезжал ученик Ленина И. В. Бабушкин, связавший в каче-

¹ Журнал «Образование». 1906. № 3.

² М. В. Фрунзе. Соч. Т. I. М.-Л. 1929, стр. 507.

стве агента «Искры» газету с важным промышленным районом страны. «Пока Иван Васильевич остается на воле,— писал впоследствии Ленин,— «Искра» не терпит недостатка в чисто-рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими»³. В пятом номере газеты (июнь 1901 г.) сообщалось из Иваново-Вознесенска: «Газета «Искра» распространяется и нравится рабочим».

Летом 1901 г. в Иваново-Вознесенск прибыл бывший петербургский рабочий Н. Н. Панин, много сделавший для распространения и укрепления здесь влияния ленинской «Искры». Вместе с ним вел политическую работу член Северного рабочего союза М. А. Багаев

Расстрел петербургских рабочих в январе 1905 г. вызвал взрыв могучего протеста пролетариев всей России. В Москве, Ярославле, Вильно, Риге, Харькове, Саратове и других городах состоялись мощные политические демонстрации и стачки. В движение втягивалось и крестьянство.

16 января иваново-вознесенские большевики, собравшись в селе Богородском, решили призвать рабочих города к организованному протесту против расстрела петербургских рабочих. С этой целью была выпущена листовка — обращение к литейщикам заводов Калашникова и Анонимного общества. «Товарищи! — гласила листовка. — Петербургские рабочие проливали свою кровь за освобождение рабочих масс. Неужели же вы, товарищи, будете молчать в такое время? Нет, вы пойдете за нами, социал-демократами». 17 января рабочие двух названных заводов и фабрики Полушина забастовали и вышли на улицы. Как и в Петербурге, в безоружную массу рабочих врвались казаки. Началось избивение рабочих нагайками и саблями, в них стреляли. Многих арестовали и бросили в тюрьму, где продолжалось избивение.

С большим подъемом прошло в Иваново-Вознесенске празднование 1 Мая 1905 года.

Революционный подъем нарастал. Рабочие-текстильщики стихийно поднимались на борьбу за удовлетворение своих насущных требований; на отдельных предприятиях вспыхивали экономические стачки. В таких

условиях с особенной остротой вставал вопрос об укреплении влияния большевиков на массы рабочих. Задача состояла в том, чтобы овладеть стихийным движением, возникшим на экономической почве, и направить его в русло политической борьбы.

В иваново-вознесенской большевистской организации ощущался крайний недостаток пропагандистов. «У нас ведь нет ни одного пропагандиста,— писали из Иваново-Вознесенска в газету «Вперед». — Агитаторы у нас доморощенные. Никто их не воспитывал, сами они вырабатывают методы и приемы агитации, сами набивают руку в повседневных разговорах и ссорах на фабриках; и все-таки вырабатываются нередко очень умные и дельные агитаторы. Если бы таким природным агитаторам дать социальное, демократическое образование, то работа закипела бы несравненно живее. Для этого нужны, конечно, профессионалы-агитаторы, которые могли бы руководить агитаторскими группами»⁴.

В начале мая 1905 г. в Иваново-Вознесенск приехал М. В. Фрунзе, направленный сюда Московским комитетом большевиков. Замечательный пропагандист и агитатор, он быстро занял руководящее положение в организации и стал одним из признанных руководителей всеобщей стачки иваново-вознесенских текстильщиков. В числе руководителей иваново-вознесенской большевистской организации в 1905 г. был А. В. Мандельштам («Одиссей»), профессиональный революционер, агитатор и пропагандист. Значительна была роль в ней Ф. А. Афанасьева — петербургского рабочего-ткача, одного из пионеров русского рабочего движения, погибшего в 1905 г. от рук черносотенцев. Руководителями всеобщей стачки были местные рабочие: С. И. Балашов («Странник») — бессменный член подпольного комитета иваново-вознесенских большевиков; Е. А. Дунаев — проробрицкая фабрики Бакулина, участник стачек 90-х годов; И. Н. Уткин («Станко») — организатор и начальник боевой дружины иваново-вознесенских рабочих; М. Е. Морозов («Ермак») — позже участник московского вооруженного восстания 1905 г., павший в борьбе за свободу в октябрьские дни 1917 г. в Москве; Ф. И. Самойлов — позже член большевистской фракции IV Государственной думы; Н. А. Жиделев, М. Лакин, П. П. Веселов («Сохатый») и другие.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 332.

⁴ Газета «Вперед», 9 мая 1905 года.

9 мая 1905 г. за городом, в лесу, собралась большевистская партийная конференция с участием представителей рабочих иваново-вознесенских фабрик. В назначенный час по направлению к деревне Черново потянулись, большей частью поодиночке, люди в засаленных блузах, потертых пиджаках, некоторые с подвязанными фартуками, с несмытой на руках краской.

На конференции было решено начать 12 мая всеобщую стачку. Был разработан план ведения стачки, расставлены силы партийной организации по фабрикам, сформулированы требования рабочих для предъявления фабрикантам. Первыми должны были забастовать рабочие фабрики Бакулина.

Иваново-вознесенская группа Северного комитета РСДРП(б) в связи с предстоящей стачкой обратилась к рабочим с воззванием: «Не хватает сил больше терпеть! Оглянитесь на нашу жизнь, до чего довели нас наши хозяева! Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни! Довольно! Час пробил! Не на кого нам больше надеяться, кроме как на самих себя. Пора приняться добывать себе лучшую жизнь! Бросайте работу, присоединяйтесь к нашим забастовавшим товарищам. Выставляйте 26 требований, изданных нашей группой. Собирайтесь для обсуждения ваших нужд в городе и за городом»⁵.

12 мая на фабрике Бакулина отрывочно прогудел гудок, по зову которого на фабричный двор стали выходить толпы рабочих. На призывный гудок бакулинцев ответили гудки соседних фабрик Никандра Дербенева (ныне имени Кирова), Маракушева (теперь Новая ивановская мануфактура), Куваева (ныне Большая ивановская мануфактура), Зубкова и другие. Рабочие бросали работу и выходили на улицы, сливаясь в один общий поток. Однако вечером 12 мая на некоторых фабриках, например, на фабрике «Компани», еще продолжалась работа. «Окончательно раскатать и поднять рабочую массу было нелегко,— писал Ф. Н. Самойлов.— Все члены парторганизации, сколько нас было на фабрике, ходили по корпусам, агитировали, но рабочие бросать работу не решались»⁶. Работа была прекращена лишь когда к фабрике подступили бастующие рабочие других пред-

приятий с призывом присоединиться к забастовке.

13 мая Иваново-Вознесенск принял необычный вид: все предприятия бастовали, рабочие толпами шли к городской управе. Большевистская газета «Пролетарий» писала об этом: «Город на окраинах весь вымер. Тихо, тихо. Воздух чистый, дышать свободно, дыму нигде не видно. Трубы безжизненно подпирают небо. Только в центре города перед управой — море людских голов»⁷. Здесь были рабочие всех возрастов — от подростков до стариков. Среди ситцепечатников, одетых в цветные рубахи, мелькали синие блузы и кепки мастеровых, темные рубашки и казинетовые пиджаки ткачей, пестрые кофты и яркие платки ткачих. Полицейстер города Кожеловский, на глаз определив количество собравшихся, телеграфировал владимирскому губернатору: «Сорокатысячная толпа подступила к городской управе. Ведет себя спокойно. Рабочие обещают охранять порядок, но среди них ведется и агитация крайних, разбросаны прокламации, остановили работу в железнодорожных мастерских. Крайне желателен приезд высшего начальства»⁸.

Бастующие вели себя мирно и организованно, как будто одной из главных их задач было соблюдение порядка. Первую речь на первом митинге перед городской управой произнес Е. А. Дунаев. Взобравшись на живую трибуну из рук и плеч ткачей, он образным языком, на ярких примерах изобразил положение рабочих на капиталистической фабрике. Е. А. Дунаева сменил другой рабочий. Кто-то заметил, что тощие плечи текстильщиков не выдержат оратора, и перед управой появилась бочка. На нее поднялся заварщик фабрики Грязнова (ныне Сосневская фабрика) Михаил Лакин. Он произнес горячую речь против фабрикантов и царской власти. Повернувшись к подъезду управы, Лакин заключил свою речь вдохновенным чтением стихотворения Некрасова «Размышление у парадного подъезда». С особенной силой бросал он в массу собравшихся некрасовские строки о русском мужике в царской России, который «стонет в собственном бедном домишке, свету божьего, солнца не рад; стонет в каждом глухом городишке, у подъездов судов и палат». Слова эти глубоко за-

⁷ Газета «Пролетарий», 17(3) июня 1905 года.

⁸ Государственный исторический архив Ивановской области (ГИАИО) ф. Канцелярии владимирского губернатора. Т. 1, л. 22

⁵ Ивановский областной краеведческий музей. Архивный фонд. Листовки 1905 года.

⁶ Ф. Самойлов. Первый Свет рабочих депутатов. «Молодая гвардия». 1931, стр. 33.

падали в душу бастующих и разжигали в них ненависть к эксплуататорам-капиталистам. Выступили и женщины. Страстно звучала речь работницы бакулинской фабрики М. П. Сарментовой («Марты»), говорившей о тяжелой жизни текстильщицы.

Здесь, на площади перед городской управой, в присутствии фабричной инспекции и полиции руководители стачки обнародовали выработанные большевистской конференцией требования рабочих. Как отмечали газеты, эти требования были тут же утверждены «открытой баллотировкой». Рабочие требовали введения восьмичасового рабочего дня, отмены сверхурочных работ, установления минимальной заработной платы, устройства детских яслей, оплаты за время болезни, выдачи квартирных денег, улучшения гигиенических условий на фабриках. Было выдвинуто много других элементарных экономических требований, свидетельствовавших о невыносимых тогда условиях труда на фабриках и заводах и жестокой капиталистической эксплуатации. В число требований текстильщиков вошло и политическое требование немедленного созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного для всех граждан и гражданок избирательного права

Собравшиеся предложили фабрикантам вести переговоры на площади, в присутствии всех рабочих. 14 мая фабриканты ответили отказом обсуждать требования на площади. Стремясь нарушить единство стачечников, они согласились разговаривать с представителями рабочих в конторе каждого предприятия в отдельности. Руководители стачки разгадали смысл этого предложения и отвергли его. Предложение же вести переговоры через выборных уполномоченных было признано приемлемым.

Еще 13 мая Е. А. Дунаев предложил собравшимся на площади разбиться по фабрикам и выбрать уполномоченных для переговоров с фабрикантами от лица всех бастующих. Рабочие некоторых фабрик приступили к выборам тут же, на площади. Через день происходили выборы на Садовой улице и у реки Талки. Выбирали по одному представителю от ста рабочих. Всего избранных оказалось 150 человек, в том числе 46 социал-демократов-большевиков и много им сочувствовавших. Среди избранных было 28 женщин. О депутатах от рабочих фабрики Маркушева А. Т. Рыжовой и А. Е. Колосовой в одном из донесений в губернское жандармское управление сооб-

щалось, что они, «подстрекательницы, делали угрозы заведующему ткацкой фабрикой публично», а об А. И. Смеловой, — что «она первая прекратила работу на фабрике и вовлекла в забастовку остальных женщин»⁹.

Четвертый день всеобщей стачки, 15 мая, был ознаменован событием, которое стало историческим. Из выбранных представителей рабочих иваново-вознесенских фабрик и заводов был создан совет уполномоченных. Он начал свою деятельность в помещении мешанской управы, на Нарвской улице. Председателем совета был избран рабочий-гравер А. Е. Ноздрин (известный также как пролетарский поэт), секретарями — электротехники В. Д. Добровольский и Н. Г. Грачев. Главные политические руководители стачки из конспиративных соображений в совет уполномоченных не входили. Но именно они вдохновляли и направляли всю деятельность совета уполномоченных. На первом собрании совета уполномоченных требования бастующих были уточнены и приведены в систему. Над текстом требований были сделаны надписи: «Российская социал-демократическая рабочая партия» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

На первое заседание совета уполномоченных прибыла фабричная инспекция во главе со старшим фабричным инспектором Владимирской губернии В. Ф. Свирским. Обращаясь к рабочим депутатам, Свирский счел нужным отметить необычайность происшедшего собрания. «Настоящее совещание, — сказал он, — явление новое. Господа депутаты рабочих должны своим спокойствием и деловым отношением доказать свои интересы и тем заслужить одобрение своих товарищей». И далее, предостерегая рабочих от политической борьбы, говорил: «В настоящем заседании место только важному делу — улучшению быта рабочих». Принятые Свирским требования бастующих рабочих были вручены фабрикантам ночью того же 15 мая через городского голову — фабриканта Дербенева. В городе уже находился приехавший из Владимира губернатор Леонтьев. Сюда начали стягиваться войска: прибыли два батальона пехоты и две сотни казаков.

О том, что стачка вызвала большое смятение среди капиталистов и царских чиновников, свидетельствует письмо фабриканта

⁹ Там же, ф. Владимирского губернского жандармского управления, д. 4, л. 142.

Бурылина. В начале стачки он писал: «То, что произошло за три дня, не подлежит описанию. Невиданная картина событий... я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось. У наших нет единого мнения. Мое честное убеждение — надо поскорей идти на небольшие уступки рабочим требованиям. Нам угрожают колоссальные убытки. Две партии непромытого вареного товара преют в котлах, в красильной — мокрые ролики. Мне известно из достоверных источников, что руководители забастовки — люди приезжие, с образованием. Руководят хлестко. Чувствуется в городе двоевластие. Рабочие не хотят договариваться на своих фабриках, выставляют общие требования»¹⁰.

17 мая в городе появилось объявление губернатора, запрещающее рабочим собираться на улицах и площадях, а также в помещении мешанской управы. Для рабочих собраний разрешалось пользоваться просторами берегов реки Талки, в окрестностях Иваново-Вознесенска. Одновременно губернатор сообщил командующему военным округом, что «для двух сотен казаков служба непосильна. Нужна еще сотня казаков»¹¹.

В тот же день фабриканты ответили, что общие требования, предъявленные рабочими и мастеровыми ко всем фирмам вместе, включают в себя и такие, выполнение которых вне власти промышленников. Что же касается требований частных, то обсуждение их предложено вести устно только с выборными и в помещении конторы фабрики. Совет уполномоченных решил настаивать на удовлетворении экономических требований, политические же были оформлены в особый документ и направлены в Петербург министру внутренних дел.

Центр событий перенесся на берега реки Талки. Как правило, утром, часов в десять, здесь собирались депутаты совета уполномоченных. Они намечали порядок дня, устанавливали темы речей, назначали ораторов, зачитывали протоколы, давали распоряжения об охране города и указывали меры предосторожности в отношении провокаторов, избирали делегатов с разного рода запросами в городскую думу, к фабричному инспектору и губернатору. После этого обычно начиналось общее собрание бастующих рабочих.

Совет уполномоченных не только непосредственно руководил стачкой, но взял на себя и функции власти. Чиновники и предприниматели вынуждены были считаться с ним как с реальной силой. Так, они обращались в совет с просьбой разрешить напечатать срочные бумаги в местной типографии, выделить рабочих для переноса материала на фабриках, чтобы сохранить его от порчи и от пожара. Совет уполномоченных запретил торговцам поднимать цены на продукты питания и запирали фабричные лавки, постановил на время стачки закрыть все винные лавки, потребовал от официальной власти выполнения этого постановления. В городе в это время не видно было пьяных, не наблюдалось ни драк, ни скандалов, ни азартных игр, которые совет воспретил.

Стремясь сохранить в городе порядок и предотвратить возможные провокации, совет уполномоченных решил 20 мая организовать рабочую милицию. Он направил в городскую управу делегацию с сообщением, что иваново-вознесенские рабочие и мастеровые единогласно постановили «устроить милицию из среды себя, то есть охранную стражу из рабочих»¹². В сообщении говорилось, что действиями этой милиции руководят депутаты, избранные для переговоров с администрацией и фабрикантами. В действиях Иваново-Вознесенского совета уполномоченных проявлялась новая власть, которая существовала параллельно с властью официальной и парализовала ее.

Благодаря правильному руководству большевиков и энергичной деятельности совета уполномоченных стачка проходила организованно. «Если присмотреться ко всему тому, что проделывается здешними забастовщиками,— писала 10 июля реакционная газета «Новое время»,— то придем к заключению, что здесь забастовкой руководят умелые головы. Здесь видна система».

Было бы, однако, неправильно представлять дело таким образом, что забастовка иваново-вознесенских ткачей с самого начала носила политический характер и все рабочие с первого дня стачки вели себя вполне сознательно. В. А. Галкин допускает явные преувеличения, когда утверждает, что «всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих с первых дней стала носить антиправительственный характер»¹³.

¹² Там же, л. 134.

¹³ В. А. Галкин. Иваново-вознесенские большевики в период первой русской революции. Иваново. 1952, стр. 114.

¹⁰ Там же, ф. 216, д. 530, т. II, л. 19.

¹¹ Там же, т. I, л. 79.

Противоречит исторической действительности и утверждение, будто иваново-вознесенские текстильщики начали стачку, будучи вполне политически зрелыми и организованными. На самом деле эти качества рабочих формировались в ходе стачки. Самую стачку нельзя изображать статически, надо видеть ее развитие, ее этапы.

В первый период она носила экономический характер. Масса бастующих рабочих надеялась добиться удовлетворения своих требований путем мирных переговоров с фабричной администрацией. Политическая агитация еще не встречала сочувствия масс. Когда ораторы провозглашали лозунг «Долой самодержавие!», в ответ обычно раздавались крики: «Довольно! Не надо о царе, говори о фабрикантах. Мы не хотим политики, наша борьба экономическая».

Большевистская газета «Голос труда» сообщала тогда, что всеобщая стачка в Иванове «сначала носила чисто экономический характер, и рабочие даже враждебно встречали социал-демократические политические речи»¹⁴. О том же писал и М. В. Фрунзе: «Я помню, как в первое время стачки волнение охватывало аудиторию при попытках ораторов затрагивать чисто политические темы; помню, как испуганно, а порой враждебно встречалась массой критика самодержавной царской власти»¹⁵. Наконец, это подтверждает и прокламация Иваново-Вознесенского комитета РСДРП большевиков, выпущенная в день окончания стачки. «Товарищи! — гласит один из пунктов прокламации. — Многому научила нас стачка, до нее многие из нас были настолько темны, что не хотели ни понимать, ни сознавать, ни думать о своем положении... разве малому мы научились на наших собраниях на Талке. Разве не прозрели мы там... Разве не увидели мы ясно, кто наши враги»¹⁶.

Так было в начальный период стачки. Но большевистская группа Северного комитета (преобразованная в конце мая в Иваново-Вознесенский комитет РСДРП) развернула политическую работу среди бастующих, разъясняя им, за что они должны бороться и кто их главный враг. На Талке стали читаться популярные лекции на разные темы: о происхождении и значении

красного знамени, об исторической роли рабочего класса, о женщине в революции, об истории «Марсельезы», о французских утопистах Фурье и Сен-Симоне. Популярность среди рабочих завоевал лектор-большевик Н. И. Подвойский, читавший на Талке о предмете «марксовой науки». Здесь же выступал рабочий-украинец Степаненко. Многие ораторы-рабочие говорили не цветисто, порой не очень складно, но верно и убедительно, затрагивая жизненно важные вопросы. На реке Талке текстильщики впервые знакомы с лозунгами большевиков, с их призывами к борьбе с самодержавием и с капиталистами.

Большое влияние на рабочих оказывало печатное слово. В большевистской конспиративной типографии ежедневно печатались прокламации по злободневным политическим вопросам и о ходе стачки. Там же было напечатано и обращение к прибывшим в город солдатам. Все эти прокламации и листовки читались на Талке, как читались там также «Бюллетень»¹⁷, освещавший ход стачки, газета «Северный край», выходившая в Ярославле. Ежедневные собрания на Талке превратились в своего рода политическую школу. Фабриканты называли эти собрания «социалистическим университетом». Каждое собрание на Талке способствовало политическому просвещению рабочих¹⁸.

Маркс и Ленин неоднократно отмечали, что в революции массы учатся «по сокращенному курсу», что неделя революции имеет для политического развития масс большее значение, чем долгие годы обычной сонной жизни. В ходе стачки иваново-вознесенские текстильщики формировали свое политическое сознание, закалялись в революционной борьбе. Укреплялась и росла иваново-вознесенская организация большевиков. Проведение массовок, митингов, демонстраций, руководство советом уполномоченных и другими организациями рабочих обогащали ее замечательным опытом руководства классовой борьбой пролетариата.

¹⁷ «Бюллетень» издавался иваново-вознесенской группой Северного комитета РСДРП, а не советом уполномоченных (как сказано в сборнике «Первый совет рабочих депутатов 1905—1935 гг.». Материалы докладчикам и пропагандистам. Москва — Иваново. 1935, стр. 13, 50).

¹⁸ Депутат совета гравер-рисовальщик фабрики Гаретина Царский производил фотосъемки собраний, происходивших на Талке. Благодаря этому были запечатлены наиболее важные события на Талке и полный состав совета уполномоченных.

¹⁴ «Голос труда». 1905, № 5.

¹⁵ М. В. Фрунзе. Соч. Т. 1, стр. 509.

¹⁶ Ивановский областной краеведческий музей. Архивный фонд. Листовки 1905 года.

Стачка вовлекла в свою орбиту рабочих всех профессий не только самого Иваново-Вознесенска, но и ближайших городов и фабричных поселков. На Талку стали являться делегаты рабочих мелких ремесленных мастерских и разных учреждений и домашняя прислуга, прося защиты от произвола хозяев. 30 мая по примеру ивановских ткачей забастовали рабочие шуйских фабрик. 2 июня началась забастовка в Тейково, 7 июня — в Кохме. Вскоре к бастующим присоединились текстильщики Вичуги и села Яковлевского. Всего в стачке приняло участие 70 тысяч рабочих. Остановилась промышленная жизнь всего Иваново-Вознесенского текстильного района. Иваново-Вознесенский совет уполномоченных стал центром притяжения для всех бастующих. В город прибывали делегации и от крестьян. Они жаловались на притеснения со стороны помещиков и сельского начальства. Крестьянские ходоки присутствовали на заседании совета уполномоченных.

Уже с конца мая стачка иваново-вознесенских текстильщиков приобрела политический характер. В донесениях полицейских чинов владимирскому губернатору и губерньскому жандармскому управлению сообщалось, что выступления ораторов на Талке заканчивались обычно лозунгами: «Да здравствует стачка!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!», после чего «многими рабочими — мужчинами и женщинами — поются противоправительственные песни».

2 июня вице-губернатор Сазонов докладывал губернатору Леонтьеву, что «собрания на Талке изменили свой первоначальный характер, когда обсуждались только вопросы, касающиеся экономического быта рабочих», и что с завтрашнего дня он будет «разгонять всех собирающихся за городом» и производить «аресты политических агитаторов». Вслед за этим Сазонов направил губернатору дополнительное донесение: «В течение последних дней, как я уже раньше писал, собрания на Талке стали принимать явно политический характер, дошло до того, что произносились возмущительные речи против особы его императорского величества»²⁰.

Объявление Сазонова от 2 июня о запрещении собраний на Талке «ввиду обсужде-

ния на них вопросов государственного значения» не возымело действия. 3 июня в обычное время до 3 тысяч рабочих собралось на Талке. Против них были высланы казаки. Они окружили собрание и потребовали разойтись. Рабочие стояли на месте. Е. А. Дунаев крикнул подъехавшему полицмейстеру Кожеловскому: «Мы ждем здесь ответа фабрикантов на наши требования!» Кожеловский потребовал, чтобы рабочие разошлись. Но они оставались на месте, и он приказал стрелять в них. Началась зверская расправа с безоружными людьми. Несколько стачечников было убито и ранено. 44 депутата арестованы.

Расстрел рабочих на Талке переполнил чашу терпения бастующих. Ненависть их к классовому врагу прорвалась стихийно. Забастовщики рвали телефонные провода, поджигали фабрики. 3 июня вечером в местечке Ямы горели ситцевая фабрика Гандуриных и лесной склад Гарелина. В следующие дни были подожжены дачи городского головы Дербенева, фабрикантов Фокина и Бурылина, разгромлено несколько винных лавок. Возмущенные толпы забастовщиков ходили по улицам и избивали попадавшихся полицейских. Губернатор Леонтьев телеграфировал в Петербург: «С утра Иванове толпа буйствует. Рабочие бросают ножи, камни, стреляют, бьют стекла домов. Телеграфные, телефонные провода оборваны, подожжена фабрика Гандурина. Вице-губернатор, находящийся в Иваново, свидетельствует об очень возбужденном настроении. Прошу штаб округа добавить батальон пехоты, три сотни казаков, кавалерии»²¹.

Большевики стремились придать стихийно прорвавшемуся движению организованный характер и направить его по правильному пути. Иваново-вознесенская организация большевиков приступила к созданию боевой дружины и приобретению оружия. Первым начальником боевой дружины был Иван Уткин. Совет уполномоченных и бастующие рабочие продолжали собираться в лесу. 4 июня большевики собрали оставшихся на свободе депутатов совета. Стачечники терпели большую нужду, многие из них голодали. Тем не менее они держались стойко, уполномоченные от рабочих решили продолжать стачку.

Убийство иваново-вознесенских текстильщиков вызвало протест рабочих других

²⁰ ГИАИО, ф. Канцелярии владимирского губерньатора. Т. 1, лл. 178, 207—208.

²¹ См. Ф. Н. Самойлов. Первый Совет рабочих депутатов, стр. 59.

промышленных центров России. Московский комитет большевиков выпустил прокламации, призывавшие к поддержке бастующих текстильщиков. На предприятиях многих городов начался сбор средств в пользу ивановских ткачей. Денежные средства, поступающие со всех концов России, совет уполномоченных распределял среди наиболее нуждающихся стачечников в виде чеков и талонов для получения продуктов в «Обществе потребителей».

Под давлением рабочих царские власти вынуждены были пойти на уступки. Стаечникам вновь разрешили собираться на Талке. По требованию бастующих арестованные депутаты совета уполномоченных были освобождены.

События 3 июня явились наглядным уроком, показавшим иваново-вознесенскому пролетариату, что царские войска и полиция защищают интересы фабрикантов и заводчиков, что для освобождения от социального гнета необходима решительная борьба против самодержавия. Всеобщая стачка в Иваново-Вознесенске вступила в новую стадию своего развития, она приняла ярко выраженный политический характер и превратилась в средство революционной мобилизации масс. Деятельность совета уполномоченных приобрела еще большее значение.

8 июня владимирский губернатор, испугавшись дальнейшего роста революционного движения, обратился к иваново-вознесенскому комитету торговли и мануфактур с просьбой воздействовать на фабрикантов. Однако предприниматели не хотели и слышать о переговорах с рабочими и потребовали у представителей царской власти новых репрессий. 13 июня на совещании директоров фабрик и представителей местной власти один из фабрикантов заявил, что требование прибавки в настоящее время уже не является вопросом экономическим, «поскольку существует у рабочих талочный университет... с ректором Дунаевым». «Надо уничтожить это нелегальное учреждение,— говорили предприниматели,— вырвать руководителей мирным или насильственным путем. Делать же государство в государстве — по меньшей мере неактивно по отношению к власти существующей»²².

Стачка приняла затяжной характер. Ма-

териальная нужда бастующих становилась с каждым днем все ощутимей. Чтобы побудить местную власть и фабрикантов пойти на уступки, совет рабочих уполномоченных по предложению иваново-вознесенского комитета большевиков назначил на 23 июня шествие к центру города. На демонстрацию явилось около 20 тысяч рабочих. Собравшиеся, окруженные со всех сторон вооруженными казаками и солдатами, требовали «хлеба и работы». На случай применения войсками оружия против демонстрантов на площади была размещена боевая дружина, вооруженная револьверами. Один из руководителей стачки дал знак собравшимся сесть, и многотысячная толпа опустилась на камни мостовой и тротуары. Это была оригинальная сидячая демонстрация перед городской управой, к которой не было ни прохода, ни проезда. Руководители стачки обращались к собравшимся с речами. «Мы не можем дальше вести себя спокойно, видя, как голодают наши дети, в то время как виновники этого голода, наши хозяева-владельцы предприятий, будучи сытыми, не хотят пойти на облегчение наших страданий. Мы больше не можем терпеть этого издевательства»,— говорил Е. А. Дунаев²³.

Появившийся на площади вице-губернатор Сазонов сообщил, что фабриканты не идут на уступки, что он старается влиять на них, но пока безуспешно, и предложил собравшимся разойтись, обещая добиться на другой день ответа фабрикантов и прислать его через инспектора труда Свирского. Рабочие двинулись на Талку. Вступив на Соковскую улицу, они зашлепели «Марсельезу». Над толпой взвился красный флаг. Его нес депутат от рабочих фабрики Грязнов И. Спорышев. Это была первая политическая демонстрация в городе. После ухода демонстрантов площадь оказалась покрытой кучками булыжника, вырытого руками сидевших рабочих на случай необходимости защищаться.

В тот же день совет уполномоченных предупредил губернатора, что возмущение рабочих нарастает и он слагает с себя ответственность за последствия.

Еще до того губернатор, опасаясь революционного взрыва со стороны рабочих, обратился к иваново-вознесенскому комитету торговли и мануфактур с просьбой воздействовать на фабрикантов. Он писал: «Сим заявляю, что дальнейшее уклонение

²² Сборник «1905 год в Иваново-Вознесенском районе». Иваново-Вознесенск. 1925 г., стр. 32.

²³ См. Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. Госполитиздат. 1954, стр. 97—98.

господ фабрикантов от непосредственных сношений с рабочими послужит вредной во всех отношениях затяжке забастовки и может иметь крайне нежелательные последствия, о чем и предлагаю поставить в известность всех фабрикантов города Иваново-Вознесенска». Конечно, губернатор руководствовался не интересами рабочих, а интересами царизма. То было время, когда в стране нарастала волна стачечного движения рабочих и участились крестьянские волнения. 14 июня вспыхнуло испугавшее царские власти восстание на броненосце «Потемкин». В такой обстановке и обращался владимирский губернатор к фабрикантам, побуждая их к некоторым уступкам, чтобы прекратить забастовку.

Но буржуазия в 1905 г. была уже не та, что в 70—80-е годы XIX века. Рассматриваемые события происходили в эпоху империализма, когда в России развивался монополистический капитализм с промышленной и финансовой буржуазией, с концентрацией производства. Все текстильные предприятия Иваново-Вознесенска находились в 1905 г. в руках 13 акционерных обществ, 11 товариществ, двух так называемых торговых домов и 8 владельцев. Эта объединившаяся в акционерные общества буржуазия не хотела идти ни на какие уступки. Иваново-вознесенские фабриканты 24 июня ответили из Москвы губернатору: «В ответ на телеграмму вашего превосходительства имеем честь довести до вашего сведения, что никакой платы за время забастовки, никаких дальнейших уступок и прибавок... мы делать не будем... Считаем какие-либо переговоры с депутатами невозможными»²⁴. Председатель совета уполномоченных А. Ноздрин писал по этому поводу, что иваново-вознесенские фабриканты не были податливыми и сговорчивыми «с самим губернатором» и далее: «В них, между прочим, не замечалось и покорности перед властью»²⁵.

Отрицательный ответ фабрикантов послужил искрой, упавшей на горячий материал. Снова прорвался стихия народного гнева. Стаечники схватили топоры, ломы, пошли в город и начали громить продовольственные магазины. 26 июня доверенный фабриканта Н. Гарелина писал в Москву: «В доме и на фабрике все покуда благополучно. Спицино сгорело все, как есть

осталось чистое поле... Прошла партия человек в 100—150 с песнями, и начался пожар в 10½ часов вечера. В это время загорелась дача Л. М. Гандурина, близ села Сидоровского, и тоже сгорела вся. Кроме того, в эту же ночь сгорела дача Е. Н. Дербенева, дачи Фокина и Шапова, близ железной дороги, и дача Генералова на озере... Сейчас в той же стороне горит еще какая-то дача»²⁶.

26 июня фабриканты Грязнов и Шапов, опасаясь дальнейших событий, согласились удовлетворить ряд требований рабочих, а именно: увеличить заработную плату рабочим, получающим 7—8 рублей в месяц, на 3 рубля, получающим 9 рублей 50 копеек — 10 рублей — на 2 рубля 50 копеек, получающим 10 рублей 50 копеек — 12 рублей — на 2 рубля, уменьшить на один час рабочий день и удовлетворить требования, относящиеся к внутреннему распорядку на фабрике. Вскоре пошли на некоторые уступки и другие фабриканты.

Рабочим стало ясно, что добиться удовлетворения всех требований не удастся. Между тем материальное положение бастующих было исключительно тяжелым. Средства помощи рабочим в кассе совета иссякали. В то же время в город стали прибывать новые войска. В таких условиях было решено организовано прекратить стачку. 27 июня совет уполномоченных заявил: «Ввиду действий администрации, явно направляющихся на защиту фабрикантов и против рабочих..., ввиду того, что в город прибыло большое количество войск, ввиду того, что 47 дней забастовки истощили наши силы, повторяем, что все эти условия мешают нам продолжать стачку. На основании всего этого мы заявляем, что с 1 июля мы решили стать на работу с тем, чтобы подкрепить свои силы и вновь начать борьбу за свои права и те требования, которые нами предъявлены фабрикантам в начале забастовки 12 мая 1905 г.»²⁷.

2 июля рабочие явились на фабрики, но начавшиеся столкновения с администрацией вновь увлекли их на Талку. Между фабрикантами, находившимися в разных городах, завязалась переписка, из которой можно почерпнуть сведения, показывающие, какими стали иваново-вознесенские рабочие на фабриках после забастовки. 4 июля Н. Гарелин сообщал П. Зубкову:

²⁴ ГИАИО, ф. Канцелярии владимирского губернатора. Т. II, л. 280.

²⁵ Сборник «1905 год в Иваново-Вознесенском районе», стр. 93, 99.

²⁶ ГИАИО, ф. фабриканта Н. Гарелина (переписка).

²⁷ Там же, ф. Канцелярии владимирского губернатора. Т. III, л. 19.

«Вчера рабочие принялись за работу, но не дружно и стали заявлять свои претензии. Оставили работу, как им вздумалось, вечером побежали на Талку и стали обсуждать свои дела... Видно, по-моему, что Дунаев старается затянуть забастовку до государственного переворота»²⁸. Фабрикант В. Гречин в письме тому же П. Зубкову писал: «Вообще рабочие стали на фабрике хозяева, что, конечно, мне кажется очень странным. Толпа же стала значительно бурнее...»²⁹. В городе пошла в ход поговорка: «Фабрика-то Куваева, да порядки на ней Дунаева».

Фабриканты продолжали находиться в состоянии большой тревоги. 10 июля И. Дербенев сообщал: «Вооружаемся, готовимся встретить с почетом» и 13 июля: «Готовимся дать отпор... Получили пять револьверов и две нагайки; пожарную машину держим наготове и воды запасли в изобилии». 20 июля фабриканты отправили министру внутренних дел Трепову телеграмму с просьбой о введении в Иваново-Вознесенске военного положения.

Фабрики окончательно стали работать лишь 26 июля. В этот же день совет уполномоченных объявил о своем роспуске. Однако рабочие и в дальнейшем продолжали считать бывших депутатов своими уполномоченными и при всякого рода конфликтах с фабрикантами обращались именно к ним и через них вели переговоры. 5 августа началась эвакуация войск из города, а вслед за этим и «резвакуация» фабрикантов, бежавших в дни стачки с фабрик.

Экономические завоевания иваново-вознесенских рабочих в летней стачке были невелики. Рабочие добились некоторого сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Размеры заработной платы на разных фабриках повысились различно, но не больше чем на 20%, были введены квартирные не свыше 2 рублей в месяц, несколько улучшились санитарно-гигиенические условия работы, в частности, были открыты бани и прачечные. Но не этими экономическими результатами измерялся успех всеобщей стачки, а выросшей в ходе стачки политической сознательностью, организованностью, классовой сплоченностью рабочих.

Стачка прошла три этапа: с 12 мая по

конец мая, когда она носила экономический характер, с конца мая до 3 июня, когда стачка стала перерастать в политическую и, наконец, с 3 июня, когда окончательно определился политический характер стачки. На каждом новом этапе она поднималась на новую ступень. Политическая сознательность и организованность рабочих возрастали, и стачка приобретала все более революционный характер. Ею безраздельно руководили большевики. Она организованно началась и столь же организованно закончилась. Правда, в отдельные моменты проявлялся наружу стихийный протест, выражавшийся в анархических действиях. Но такие вспышки быстро проходили. Иваново-вознесенские текстильщики все глубже сознавали, что только организованная революционная борьба против всего существующего строя может принести им освобождение.

Ф. Н. Самойлов отмечает, что после стачки во всем поведении ивановских рабочих чувствовалось что-то новое, небывалое: «Прежняя приниженность и забитость во внешнем виде рабочего-массовика исчезла. Особенно это наблюдалось в отношении рабочих к представителям фабричной администрации. В этом отношении уже не наблюдалось, как это было раньше, никакого низкопоклонства и робости. Наоборот, случаи «непочтительных разговоров» рядовых рабочих с табельщиками, подмастерьями, мастерами и даже с управляющими стали после стачки обычным явлением»³⁰. О том же писал М. В. Фрунзе, заявивший, что массы теперь не те, что были до забастовки, они увидели, кто их враги и кто их друзья. «Народ стал гордым, смелым,— вспоминал впоследствии рабочий А. Охупкин.— Этому мы научились на Талке»³¹. В листовке, выпущенной Иваново-Вознесенским комитетом РСДРП в день окончания стачки, говорилось: «Товарищи! Стачка кончилась. Мы опять принимаемся за свой тяжелый труд. Фабриканты ликуют. Они думают, что сломали нашу солидарность, они думают, что они победили, что мы сдались, считая себя побежденными. Ошибаются наши враги, рано им торжествовать свою победу. Товарищи! Пусть малого мы добились, пусть не все наши требования удовлетворены, но зато пусть всякий себя спросит, что было до забастовки и что те-

²⁸ Там же, ф. фабриканта Н. Гарелина (перелиска).

²⁹ Сборник «1905 год в Иваново-Вознесенском районе», стр. 34.

³⁰ Ф. Самойлов. Первый Совет рабочих депутатов, стр. 83.

³¹ Газета «Рабочий край», 5 июня 1940 года.

перь. Не раскрыла ли глаза забастовка, не сплотила ли она нас, показав, какую силу мы представляем, если мы действуем сообща, дружно? Научила она нас также тому, что, вступая в борьбу, нужно подготовиться, нужно организовать, нужны средства, чтобы выдержать эту борьбу. Ведь мы начали борьбу без копейки денег, не сплоченные и не объединенные, и то выдержали более двух месяцев, только один голод нас заставил сдаться»³².

В ходе стачки рабочие явочным порядком завоевали, хотя и на короткий срок, свободу слова, печати, собраний и использовали ее для своей классовой борьбы. В начале стачки они создали совет уполномоченных. Это был руководящий орган стачки с первого до последнего его дня. Вместе с тем он вышел за рамки стачечного комитета и в ряде вопросов проявил себя как орган революционной власти, орган революционной борьбы рабочих масс, руководимый большевиками. В. И. Ленин писал, что в 1905 г. такие органы «создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодетельности народа... Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неформальность, расплывчатость в составе и в функционировании»³³.

Было бы, конечно, неправильно отождествлять роль Иваново-Вознесенского совета уполномоченных с ролью Петербургского, Московского и других Советов рабочих депутатов, возникших в период высшего подъема первой русской революции, когда всеобщая политическая стачка перерастала в вооруженное восстание. Нельзя переоценивать значение совета уполномоченных, как это делают некоторые участники иваново-вознесенских событий 1905 года. Едва ли можно согласиться с утверждением А. В. Мандельштама, что «сама идея советской власти зародилась в 1905 г. в Иваново-Вознесенске»³⁴.

Совет рабочих уполномоченных, существовавший летом 1905 г. в Иваново-Вознесенске, был зачаточной формой тех организаций, которые осенью 1905 г. в виде Советов рабочих депутатов создались в ряде городов России; его нельзя назвать Со-

ветом рабочих депутатов в полном смысле этого слова. Несмотря на это, Иваново-Вознесенский совет рабочих уполномоченных сыграл огромную историческую роль. Он действовал не только как стачечный комитет, но в определенной мере и как орган революционной власти и в этом смысле явился предвестником будущих Советов рабочих депутатов.

В статье «Кровавые дни в Москве» В. И. Ленин писал, что иваново-вознесенская стачка показала высокую политическую зрелость рабочих. После этой стачки брожение в центральном промышленном районе шло уже непрерывно. Всеобщие политические стачки вплотную подводили рабочий класс к вооруженному восстанию. Иваново-вознесенская большевистская организация в прокламации, выпущенной 14 июля, заявляла: «До тех пор мы не сможем улучшить наше положение, пока не будет политической свободы, пока политическая власть не перейдет ко всему народу. Забастовка показала нам также, что добиваться политической свободы нужно с оружием в руках. Научила она нас, что только тогда, когда мы будем все организованы и вооружены, мы силой можем добиться наших прав, потому мы и кричим: «Да здравствует вооруженное восстание!».

Так иваново-вознесенские большевики претворяли в жизнь решения III съезда партии, направленные на подготовку и осуществление вооруженного восстания. Они успешно руководили всеобщей стачкой текстильщиков и создавали боевые дружины, вооружали рабочих, готовясь вместе с трудящимися всей страны к решающему штурму царского самодержавия. Всеобщая стачка иваново-вознесенских текстильщиков, продолжавшаяся два месяца, являлась по продолжительности самой крупной в России. Она оказала большое влияние на развитие революционного движения в России. Московский комитет большевиков в своей прокламации отмечал, что стачечное движение в Иваново-Вознесенском районе разлилось сильным и могучим пламенем в Центральной России, что «быстрыми шагами приближается революция, и в ряды ее борцов смелой поступью вступил иваново-вознесенский пролетариат»³⁵.

Иваново-вознесенская летняя стачка 1905 г. яркой страницей вошла в историю первой русской революции.

³² Ивановский областной краеведческий музей. Архивный фонд. Листовки 1905 года.

³³ В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 217.

³⁴ Сборник «Текстильщик». Издание «Мир». 1925, стр. 376.

³⁵ «Первый Совет рабочих депутатов 1905—1935 гг.», стр. 48.